

A close-up photograph of pink cherry blossoms, with some flowers in sharp focus and others blurred in the background. The blossoms are a vibrant pink color with visible stamens.

НАШЕ ОРУЖИЕ – СЛОВО

НАША ВЕСНА. ПРОЗА. ТОМ 1

ИЗДАНИЕ ГРУППЫ АВТОРОВ
ПОД РЕДАКЦИЕЙ СЕРГЕЯ
ХОДОСЕВИЧА

Сергей Ходосевич

Наша весна. Проза. Том 1.
Издание группы авторов под
редакцией Сергея Ходосевича

«Издательские решения»

Ходосевич С.

Наша весна. Проза. Том 1. Издание группы авторов под редакцией
Сергея Ходосевича / С. Ходосевич — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-965787-9

Сборник весенней прозы группы ВК «Наше оружие — слово» представляет
работы своих лучших авторов. Это юморески Марата Валеева, исторические
рассказы Сергея Ходосевича, а также рассказы Зои Ануфриевой, Елены
Анищенко, Галины Пехуровой, Николая Будаева, Нины Яковлевой и Анны
Тимофеевой.

ISBN 978-5-44-965787-9

© Ходосевич С.
© Издательские решения

Содержание

Весенний сборник прозы группы ВК Наше оружие-слово	6
Зоя Ануфриева	7
Жду тебя, всегда	8
Елена Анищенко	9
Гадюки	10
Соседи	12
Только не я!	14
Николай Будаев	15
Почему я не могу не писать?	16
Марат Валеев	17
История одной любви	18
Полкаш	22
Гвоздь	24
«Ата, кара, куян»!	25
Сын партии	26
Крутая разборка	28
Соседям на зависть	30
Первая публикация	32
Оладушки	34
Общежитие для скворцов	36
Морской попугай Яков	38
«Заберите меня, а?»	42
Интервью	44
Перо	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Наша весна. Проза. Том 1
Издание группы авторов под
редакцией Сергея Ходосевича

Редактор Сергей Ходосевич

ISBN 978-5-4496-5787-9 (т. 1)

ISBN 978-5-4496-5788-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Весенний сборник прозы группы ВК Наше оружие-слово



Зоя Ануфриева



<https://vk.com/id142515018>

Жду тебя, всегда

Ты любишь подарки? Я очень люблю.

Вот этот день тоже приготовил подарок и тебе, и мне.

Открой окно. Ветер ласковый, теплый, уютный – чувствуешь? Он обнимает тебя нежным прикосновением и зовёт в хоровод солнечных зайчиков, что прыгают по подоконнику, отражаясь в оконных стеклах, украшая блёстками рамы, переходя на крыши домов, дорожки, тропинки, лестницы... Приветствует и, словно маня за собой, говорит: «добро пожаловать в новый день...»

И ты летишь навстречу светлому дню, обнятая ветром, благословлённая им на новые чудеса. Счастливого дня...

– Жду тебя, всегда твое – чудо...

Елена Анищенко



Нужно что человеку для счастья?

Солнца луч после летней грозы. Утру искренне улыбаться, День пришедший достойно прожить.

Что ещё не хватает для счастья?

<https://vk.com/public176697462>

Гадюки

Я ещё дошкольница

Ласковый летний день. Солнышко пригревает умытую дождем землю. Мы с папой идём в ельник за грибами. Хорошо у дедушки в деревне – перешёл через шоссе, пересёк луг и вот он бор!

В лесу таинственно-мрачно, а непросохший луг под солнечными лучами играет разноцветными искрами. Отец привлекает моё внимание к тому, что я приняла за коровью «лепёшку». Оказывается это две гадюки свернулись рядышком в кольцо. Одна из них серая, а другая коричневая. Они тоже мокрые после дождя, и их шкурки отливают металлом. Как это красиво! Полюбовавшись на неподвижно лежащую парочку отправляемся дальше.

Я уже семиклассница.

Всей семьёй выехали в лес за грибами. Ориентироваться на местности, увы, совершенно не умею. Поэтому волочусь за отцом.

Он подзывает меня к себе, прутиком раздвигает траву, показывая какого-то невероятного зверя. Я большой любитель всего живого, но такого не видела даже в «Юном натуралисте». Длиннющее тоненькое тело заканчивается довольно толстой попкой и раскоряченными коротким лапками. Поддев чудо-юдо хворостинкой, отец вытягивает его из травы целиком. И теперь я вижу, что это небольшая гадючка схватила лягушку и не смогла проглотить из-за достаточно большого её размера. Видимо, под воздействием яда, тело лягушки раздулось и покраснело. Змея стала совершенно беспомощной и «пятая» пыталась скрыться в траве, когда её заметил папа. Посмеявшись над незадачливой охотницей, оставляем её переваривать добычу.



Я взрослая и живу в деревне.

Любимое развлечение моих коз, заметив, что хозяйка забыла об их существовании, рвануть в деревню. Очередной раз бегу по тропинке, не глядя под ноги и высматривая этих вредителей. Слышу позади свистящий звук и шорох. Оборачиваюсь: там, где я только пробежала, виден хвост уползающей с тёплой тропинки гадюки. Как это не наступила на неё?!

Через какое-то время козы опять сваливают в неизвестном направлении, и я снова бегу их искать, вытягивая шею и глядя поверх бурьянов. По той же самой тропинке. И в том же самом месте слышу уже знакомые звуки и, обернувшись, вижу знакомый же хвост.

Когда отправляюсь на поиски третий раз, уже иду осторожно, а то ведь можно и наступить на животное. Но тропинка пуста. Бедная змея, видимо, решила убраться от греха подальше в более спокойное место.

Конец лета. Иду босиком в сад: там под Канвилем много опадышей, надо собрать. Под яблоней лежит гадюка. Неподвижно. Может неживая? Надо проверить. Поднимаю ногу, чтобы потыкать в неё большим пальцем ноги. Мозг вкрадчиво спрашивает: "А может, не надо?" Немножко подумав, соглашаюсь с ним. Нахожу веточку, которой и тыркаю в пресмыкающееся. Зубы змеи моментально смыкаются на ветке. Приподнимаю ветку повыше. Гадюка болтается на ней, не собираясь отпустить. Мозг ехидно комментирует: "Надо всё-таки было ногой проверить.»

Встречи с ужами и гадюками происходят довольно часто. Я очень благодарна отцу за то, что он сумел привить мне любовь ко всему живому. Благодаря ему, я не впадаю в панику при виде змей и даже могу по достоинству оценить их красоту и грацию.

Соседи



Урааа!!!

Мы въехали в новую квартиру! В новой пятиэтажке!

Теперь у меня есть своя собственная комната, и я её обживаю.

В кухне вскрикивает мама – с потолка в углу капает вода. Мама отправляется к соседям выше этажом выяснить, что случилось. Через какое-то время возвращается с девочкой чуть моложе меня и намного мельче. Это наша соседка и моя будущая подруга. Оказывается, мы с ней тёзки, что не удивительно при таком «редком» имени. Ленка совершенно не смущаясь незнакомых людей рассказывает о своей семье. Их, как и нас, пятеро. Причём у неё младшие брат и сестра двойняшки. Здорово как! Я, «дикая» и теряющаяся в обществе незнакомых людей, восхищаюсь непосредственностью новой знакомой и забавляюсь её чуть неправильной речью.

Городок у нас маленький, поэтому с некоторыми соседями были знакомы раньше, а с другими быстро перезнакомились.

Замечательные люди жили в нашем доме!

Был сосед по фамилии Баев. К сожалению, забыла его имя. До войны он работал в цирке и показывал нам, мелюзге, нехитрые фокусы, приводящие нас в дикий восторг.

Дядя Гриша работал на мебельной фабрике и играл на трубе в городском оркестре. Мой брат под его руководством некоторое время «дудел» на этом инструменте. А мне так и не удалось выдать из него ни единой нотки. До сих пор удивляюсь, как у людей это получается!

На одной площадке с нами жили учителя – основатели местного краеведческого музея.

А рядом с нашей квартирой жила семья моей будущей учительницы математики. Спасибо Надежде Осиповне, за то что она привила мне любовь к этому предмету! Знала я математику на ооочень крепкую пятёрку. А если я начинала «бить лынды», соседка заглядывала к нам, чтобы пожаловаться. После этого я сразу прекращала валять дурака.

Было в нашем доме и ещё много замечательных людей.

А сколько тогда в каждом подъезде было детей! Какой визг и топот стояли на лестницах, когда мы заходили за друзьями, а потом неслись по своим крайне важным делам!

А как весело отмечались праздники! В квартирах ставились длинные столы. От соседей перетаскивались стулья, табуретки, посуда, столовые приборы. Ленкин отец приходил с баяном, на котором виртуозно играл. Если в квартире становилось тесно, можно было спуститься во двор и продолжить веселье там. Или вылезти в окно на карниз над магазином, располагавшимся на первом этаже дома.

Время шло. Мы, дети, подрастали и разъезжались на учёбу. Кто-то вернулся, кто-то нет. Старели наши родители. Продавали квартиры и переезжали в другое жильё знакомые.

Теперь я тоже живу в другом месте и почти никого не знаю из жильцов дома. Но каждый раз, заходя в такой родной подъезд, я улыбаюсь, вспоминая своих соседей. Ведь благодаря и им тоже, мои воспоминания пронизаны теплом их сердец и светом тех дней.

Только не я!



– Лен, электрики сняли со столба скворечник, потом повесили, а птенцы на земле остались! – У подружки-тёзки в глазах стоят слёзы, губы трясутся.

Выхожу из дачного домика следом за подругой. Действительно, в траве беспомощно копошатся три голеньких птенца. До чего же они противные!

– Давай, лезь наверх. – Командует Ленка. – А я тебе их подам.

– Не полезу! Я же высоты боюсь! И в руки я такое не возьму! Давай кого-нибудь поищем.

Как назло в дачном посёлке поблизости ни одной живой души. В скворечник по очереди залетают встревоженные родители, крича, ищут детей.

– Лен, не злись! Не могу я их в руки взять – они мерзкие! Мне их жалко! Но не могу! – Оправдываюсь я, понимая, что кроме меня вернуть птенцов в гнездо некому. Подружка моя маленького роста и до скворечника не дотянется, даже если ползет с птенцами.

В конце концов, лезу на лестницу. Ноги трясутся, лестница дрожит вместе с ними. Достигнув верха, принимаю у подруги голые тельца, перекладываю их в гнездо. Всё! Я свободна!

Душа ликует от осознания того, что мы всё-таки спасли малышей! А ещё больше от победы над своими страхами!

Николай Будаев



<https://vk.com/id483422584>

Почему я не могу не писать?

Почему я не могу не писать? Так сразу и не расскажешь...

Сначала я писал ещё в школе заметки в стенную газету. Мне нравилось сочинять и фантазировать, благо в голове всегда вертелись замысловатые фразы и слова, которые я вычитывал из книг. Потом я стал писать что-то от себя, тем самым радуясь такому порыву. Дальше-больше. Мне доверяли выпускать поздравительные открытки по случаю праздников и особых дат. Я старался эти «художества» красиво оформить. Шло время. Мой почерк, очень ровный и грамотно написанный, стал востребован и в СА. Я стал редактором полковой газеты и боевых листков. Командованию нравилось моё умение излагать правдиво всё про воинскую действительность. За что и получил внеочередное звание и отпуск на Родину.

Вот и сейчас я не сижу без дела. Пишу эту заметку, втайне надеясь, что мои способности-нести живое слово, кому-то помогут обрести уверенность в этом непростом деле.

Марат Валеев



<https://vk.com/id229084479>

История одной любви



Эта любовная история в свое время наделала много шума и уже стала, извините за тавтологию, достоянием истории. Нет уже в живых главных ее участников – русского солдата Ивана Бывших и немецкой девушки Элизабет Вальдхельм. Но история их невероятной любви не может оставить равнодушным никого и сегодня.

Ушедший на войну из Красноярска, разведчик и переводчик с немецкого Иван Николаевич Бывших, довоевался до Победы, и в июне 1945 года в звании старшины и в возрасте 21 год неожиданно для себя был назначен комендантом сразу трех расположенных рядом немецких поселений в Тюрингии, в том числе – крохотного городка Хейероде.

Вот здесь-то он и увидел впервые девушку своей мечты. Получив сообщение о том, что вернувшийся из русского плена немецкий солдат Гюнтер Вальдхельм не спешит вставать на учет, комендант в сопровождении автоматчиков отправился по указанному адресу.

Вот как Иван Бывших описывает сам свои чувства тогда: «Я пошёл проверять, поднялся на второй этаж, там в комнате сидели три девушки, одна из них – Лиза. И я сразу в неё влюбился – сразу! Слово не мог вымолвить, начал заикаться. Кое-как сказал, чтобы Гюнтер пришёл в комендатуру, и бросился на улицу».

Гюнтер оказался братом Лизхен – так звали поразившую Ивана девушку, – с ним все было в порядке, он освободился из плена по болезни, и комендант оставил его в покое. Но не его сестру. Поскольку brave молодой старшина и сам глянулся немецкой красавице, они стали встречаться.

Иван Бывших был не одинок в своих романтических устремлениях: только что закончилась самая кровопролитная в истории человечества война, уцелевшие воины были опьянены счастьем сохраненной им судьбой жизни, большинство из них были молоды, еще не познавшие или уже долго не получавших женской ласки, а вокруг было столько соблазнов... В общем, отцы-командиры первое время сквозь пальцы смотрели на интрижки своих подчиненных, если это не мешало службе и не было сопряжено с насилием или грядущей женитьбой.

А Иван, тем более, в некотором роде сам себе был командиром, и мог позволить выделить из своего плотного распорядка время, как и где найти место для свиданий с пленившей его сердце немочкой, и нередко это было в самой комендатуре, а то и под крышей отчего дома Лизхен – родня им не мешала.

Но старшина Бывших был человеком военным, подневольным, и вскоре их полк перевели в другую зону оккупации, в Саксонию. Так влюбленные вынуждены были расстаться, храня все же надежду на новые встречи, и они случились, эти встречи, еще целых четыре раза.

А в 1946 году Ивана демобилизовали и отправили домой, в Россию. Забрать Лизхен с собой он не мог – советским солдатам категорически было запрещено жениться на немках, и она, вся в слезах, провожала своего Ваниляйна (так ласково Лизхен звала любимого на немецкий манер, что звучало бы как Ванечка) вплоть до его посадки в вагон. И напоследок сунула ему в карман записку, наказав прочитать ее только тогда, когда поезд будет уже в дороге. Так Иван узнал, что милая Лизхен уже носит под сердцем его ребенка, которого ей, впрочем, сохранить не удалось.

А затем был долгий эпистолярный роман, влюбленные, не в силах как-то по-другому повлиять на ход своих отношений, часто обменивались письмами. Пока Ивана в 1956 году не вызвали в соответствующие органы в Свердловске – он несколько лет жил и работал там, – и настоятельно не порекомендовали ему бросить эту переписку, иначе...

Иван вынужден был подчиниться. Чтобы не «рубить хвост» по частям, он написал Лизхен, что встретил другую и женился. И правда женился, но этот первый его брак (как, кстати, потом и второй), не подкрепленный истинными чувствами, продержался недолго. Ивана с нелюбимыми женами не могли удержать даже дети – а их у него появилось на свет в общей сложности трое.

Конечно, Ивана Николаевича легче всего осудить за такое непостоянство, но никто же не знал, что у него творилось в душе все эти годы? А его, между прочим, с годами стали понимать и собственные дети, проведавшие о несчастной любви отца и не только не мешавшие, но и помогавшие затем его воссоединению с любимой женщиной.

Смирившаяся с утратой, Лизхен к тому времени тоже вышла замуж и переехала жить в Люксембург. Жила в тихом, спокойном, нельзя сказать, что в счастливом, но в таком... умиротворяющем браке. В общем, жила как все, работала акушеркой. И пыталась забыть о русском сердешном друге Ваниляйне, хотя это у нее не получалось.

Позже она признавалась, что дня, часа не было, чтобы она не думала о нем. К сожалению, у нее не было детей, чтобы отвлечь все свои нерастраченные чувства на них.

Иван между тем пытался восстановить контакты с Лизхен, которая не уходила из его сердца все эти годы, но письма его по старому адресу, где они познакомились и любились, оставались без ответа – по той простой причине, что там, в Хейероде, ему уже просто некому было ответить.

К счастью, Иван Петрович был не из той породы русских мужиков, которые, оставаясь в одиночестве, «завивают горе веревочкой», то есть пускаются во все тяжкие. Оставаясь холостяком, он развил в Красноярске активную общественную деятельность как ветеран войны, писал много воспоминаний и публиковался, и его печатное слово находило своего читателя не только через газеты, но и книги. Так на свет появилась книга о его первой и единственной любви «Ваниляйн и Лизхен» (а всего Иван Бывших за свою послевоенную жизнь написал и издал два десятка книг).

Эта документальная повесть была тепло встречена читателями, а несколько работающих с Иваном Бывших в Красноярском историко-родословном обществе и сочувствующих ему женщин решили попытаться разыскать Лизхен. И ведь это им удалось! Подключив все имевшиеся у них связи и возможности, они выяснили, Лизхен живет в Люксембурге, дозвонились до нее и спросили, помнит ли она Ивана Бывших, рассказали о нем.

И этот установленный контакт имел решающее значение. Иван и Лизхен вновь, пока заочно, обрели друг друга, и тлевшие в них все эти года чувства вспыхнули с новой силой. Они часами могли говорить друг с другом по телефону и, в конце концов, договорились, что Лизхен едет в Сибирь, к своему Ваниляйну! Она прилетела в Красноярск весной 2005 года. Каждому из них было уже больше 80 лет, но более счастливых людей в тот исторический день в порту Красноярска не было. Они снова были вместе, и счастье переполняло их сердца.

Лизхен погостила в городе на Енисее девять дней. Иван Николаевич показал своей возлюбленной самые примечательные места Красноярска, и Лизхен уже любила этот красивый город на могучей реке только потому, что здесь жил ее Ваниляйн. И собиралась жить она – влюбленные решили вернуть себе свой же долг и сочетаться браком!

Но для этого Лизхен надо было развестись с законным, но нелюбимым мужем, который не очень этого хотел. Ей пришлось добиваться этого целых два года, которые она провела между Красноярском и Люксембургом.

Наконец, все формальности были завершены, и Лизхен вновь вылетела в Сибирь, на этот раз уже окончательно. В 2007 году «молодые» (хотя зачем я поставил кавычки – они же в душе действительно оставались молодыми!) узаконили свои отношения в одном из красноярских ЗАГСов и, наконец, стали мужем и женой.

Об этой необычной свадьбе тогда писали все красноярские, и не только, средства массовой информации, ей были посвящены телевизионные и радио-передачи. Бывший тогда губернатором Красноярского края Александр Хлопонин выделил молодым двухкомнатную

квартиру (жилище бывшего холостяка Ивана было бы тесноватым для вновь образованной семейной пары), кстати, в том же микрорайоне, где сейчас живет и автор этих строк.

И стали молодые жить да поживать, друг к другу вновь привыкать. Лизхен научилась варить борщ и не любила, когда Иван Николаевич по утрам покидал ее для своих регулярных длительных прогулок: ей казалось, что однажды он возьмет и не вернется. Она же не настолько себя хорошо чувствовала, чтобы совершать часовые походы по городу натошак, да еще в любую погоду.

Им было хорошо вдвоем. Они ходили по театрам, музеям, принимали дома гостей (чаще всего их навещали любопытные журналисты), сами навещали кого-нибудь. Лизхен понемногу осваивала русский язык, и они продолжали любить друг друга, наверное, даже еще с большей – если не пылкостью, то нежностью, – наверстывая упущенное за многие годы.

Мне бы очень хотелось закончить этот свой небольшой рассказ традиционными для такого случая словами: и жили они долго и счастливо. Но увы, как вы сами понимаете, жить Иван и Лизхен долго не могли. Сначала в конце 2009 заболела Лизхен – что-то не так было с пальцем ноги. Красноярские врачи после обследования предложили ей операцию – ампутацию ноги до колена. Но какая женщина на это согласится, тем более только что обретшая свое счастье?

И Лизхен приняла решение продолжить лечение в Германии. Немецкие врачи вроде бы все сделали правильно, и Лизхен, с которой Иван часто созванивался, была бодра и даже шутила. Но потом вдруг перестала отвечать на звонки...

Иван Николаевич не смог (или не захотел?) побывать на могиле своей любимой в городке Хейероде, где у них все и начиналось. За него это сделал его сын, побывавший здесь проездом. После него на месте последнего упокоения Лизхен остался красивый венок с надписью: «Mit Liebe dein Ehemann Wanja»...

Их счастье длилось недолго – всего два с половиной года, но в них вместились столько, сколько иному человеку не прочувствовать и испытать за целую жизнь. Спустя недолгое время и сам Иван Николаевич, на 89 году жизни, последовал за своей любимой. И кто знает, может, их счастье продолжается там, на небесах?..

Полкаш



Ольга Петровна Громыхайло вела мужа домой с вечеринки. Вернее будет сказать, подгоняла его пинками. Потому как Егор Иванович настолько нажрался, что не мог держаться на ногах, а полз на четвереньках.

Конечно, будь он поменьше, его можно было бы унести на плечах. Но в Егоре Ивановиче веса было не меньше восьмидесяти килограммов. А с учетом выпитого и съеденного – и весь центнер.

Другой вариант – можно было увезти его на такси. Но идти-то до дома было всего ничего – квартал. Если бы Громыхайло шли по тротуару, были бы дома минут через двадцать. Так обычно и бывало. Но нынче Егор Иванович как встал на четыре кости, так и не хотел менять положения. Постарел, видать, раз ноги его перестали держать.

Ольга Петровна на этот раз серьезно устыдилась состояния мужа, и они пробирались домой дворами и подворотнями.

Егор брел в сторону дома уверенно, хотя время от времени и норовил улечься поспать. Но, получив направляющий пинок, полз, поскуливая, дальше.

На улице был уже поздний вечер, прохожих было немного, и Ольга Петровна надеялась проскочить в свой подъезд незамеченной. Но на их пути прогуливал своего мопса их сосед, пенсионер Исидор Львович Панышев.

И он обратил внимание на забредшего в это время в лужу Егора Ивановича который этой луже явно обрадовался и стал хлебать из нее мутную воду.

– Никак, Оленька, и ты песика решила завести? – сказал пенсионер, подслеповато щурясь и разглядывая утоляющего жажду Громышайло. – Да какой здоровенный! Что за порода?

– Не видите, что ли: этот, как его, водолаз! – с досадой ответила Ольга Петровна, стараясь дотянуться концом зонта до толстого мокрого зада непутевого супруга.

– А по морде не скажешь! По морде ваш пес – вылитый боксер, – сообщил Ольге Петровне пенсионер. – Погодите, да он у вас и в костюмчике!

– Я же говорю: водолаз! В гидрокостюме. С реки возвращаемся, ныряли. Шлем вот только потеряли! Ну, ты, алкаш, где твоя кепка? Да вылезешь ты из лужи или нет, горе ты мое!

– Как его зовут? Полкаш? – переспросил не только подслеповатый, но, по всему, и глуховатый сосед.

– Ну да, Полкаш! А ну, Полкаш, пошел вперед! Мало тебе реки, так ты еще и лужу прихватил. Ну, пошел, пошел! Дома сейчас напущу ванную, можешь хоть всю ночь в ней плавать!

Ольга Петровна, наконец, изловчилась и пребольно ткнула Егора Ивановича зонтом. Тот взвизгнул и в два прыжка выскочил на сушу.

– Так он у вас еще и бесхвостый! – поразился Исидор Львович. – От рождения такой, или купировали?

– Это я ему нечаянно открутила, когда сегодня от этой су... от шуки оттаскивала. Не люблю я щук. Еле этого Полкана от нее оттащила. Хвост вот, правда, в руке у меня остался. А надо было кое-что другое оторвать! В следующий раз так и сделаю. Ну, Полкаш, вперед! Домой, кобелина!

Егор рыкнул на взвизгнувшего от ужаса мопса и пополз в подъезд, оставляя за собой длинный мокрый след.

– Ну, ладно, пошли мы, Исидор Львович, – встрепенулась Ольга Петровна. – Спокойной вам ночи!

– И вам того же! – охотно откликнулся пенсионер. И добавил с хитрой ухмылкой:

– Только ты уж, пожалуйста, Олюшка, проследи, чтобы твой Полкан Иванович не спал на спине. Уж больно храпит этот водолаз после водных процедур!..

Гвоздь



– Ну что ты за мужик? – периодически допекала Хотькина его жена Варвара. – Хоть бы гвоздь, что ли, вбил в доме.

Не выдержал Хотькин, раздобыл где-то гвоздь и здоровенный такой молоток, его ещё кувалдой называют.

– Куда? – спросил он у Варвары.

– Чего – куда?

– Куда гвоздь вбить?

– Ну, наверное, вот сюда, – неуверенно показала жена. – Я хоть портрет мамы повешу.

– Договорились, – кивнул Хотькин.

Он поплевал на ладони, одной рукой приставил гвоздице к стенке, другой размахнулся да как даст кувалдой! Только пыль пошла. А когда она рассеялась, открылась большая дыра в соседскую квартиру. Хотькин заглянул, а там разгуливает симпатичная такая особа. Соседку звали Татьяна Витальевна.

«Вот бы кому гвоздик забить!» – заботливо и нежно подумал Хотькин.

– Это вы, Юрий? – приветливо спросила Татьяна Витальевна. – Заходите, не стойте на пороге.

Хотькин протиснулся в соседскую квартиру.

– О, да вы с инструментом! – нежно проворковала Татьяна Витальевна. – Какой хозяйственный мужчина.

– Да я это, гвоздь вот решил забить.

– Может, вы и мне гвоздик забьёте? – томно попросила соседка.

– Да он у меня погнулся, зараза, – сокрушённо вздохнул Хотькин.

– Где, покажите? – попросила она. И так нежно и ласково провела своим холёным пальчиком по кривому гвоздю, что тот дрогнул, натужился и... выпрямился.

– А ну марш домой! – рявкнула протиснувшаяся вслед за мужем Варвара.

– А кто же мне дыру в стене заделает? – разочарованно спросила Татьяна Витальевна.

– Сама замуруешь, зараза! – отрезала Варвара, увлакивая Хотькина в квартиру. – А ты, мастер, сиди перед телевизором, и никаких гвоздей!

«Ата, кара, куян»!

Мне четыре года, мы только-только обосновались в Пятерыжске, русском селе в Казахстане, после переезда из Татарстана. Отец работал в колхозной кузнице. Я любил ходить в это приземистое и прохладное в летнюю жару глинобитное помещение. Там шипели меха, гудело горнило, из которого вырывались оранжевые язычки огня; солидно бухал по наковальне молот в жилистых отцовских руках, расплющивая раскаленный добела кусок металла, и от него летели звезды-искры.

Помню, когда в первый раз зашел в темный коридорчик, где хранится всякий железный хлам, увидел там пушистого кролика и закричал радостно:

– Ата, кара – куян!

Ну, то есть: «Папа, смотри – заяц!» Я в свои четыре года по-русски тогда почти не говорил. Помню, как заржал кузнец, чумазый лохматый мужичок: «Какой еще х... ян!» Отец тоже хохотал.

Но уже меньше чем через год я владел русским наравне с родным, татарским. Однако с годами этот паритет был нарушен, так как я водился со сверстниками, говорящими только на русском, пошел в русскую школу, и русский язык постепенно вытеснял из сознания язык предков.

И даже родители, говорящие между собой на татарском, со мной и другими своими детьми, выросшими в Пятерыжске, уже изъяснялись в основном по-русски. Ну, а если человек не только говорит, но и мыслит на языке общения, он для него становится практически родным.

Я ничуть не жалею, что русский язык стал для меня таковым. Более того, именно отличное его знание и позволило мне стать журналистом, а затем, позволю себе это сказать, и профессиональным литератором.

И все же корю себя, что язык своего народа я основательно подзабыл и уже не могу свободно изъясняться с соплеменниками. А это плохо не просто с позиций так называемого «квасного патриотизма», а чисто из утилитарных соображений.

Татарский язык относится к группе тюркских, и если бы я знал и его в совершенстве, то мог бы в случае необходимости изъясняться и с башкирами, и казаками, и с киргизами, азербайджанцами. Между прочим, мама моя, в детстве несколько лет прожившая в окрестностях Баку (ее семья сбежала туда из-за голода в Поволжье в 30-х годах), знала азербайджанский язык очень хорошо.

А вот забытый мною более чем наполовину татарский язык тем не менее помог мне изъясняться с турком-официантом на турецкой половине Кипра. Мы оба не знали английский, но общий язык все же нашли!

Знание языков – это всегда хорошо, это удобно и полезно. Поэтому, друзья мои, если вы являетесь, кроме русского, носителем и какого-либо иного национального языка, прилагайте усилия к тому, чтобы не только самому не забыть его, но и по возможности передать своим детям. Всегда пригодится!

Сын партии



У Зайцева зазвонил телефон. Он поднял трубку.

– Алло, Зайцев? – спросил женский голос.

– Да, я. Кто это?

– Это я, Люсьен.

– Какая еще Люсьен?

– Быстро же ты меня забыл. Люся я, повариха вашей партии. Ну, вспомнил?

– Как же, как же, – залебезил Зайцев. – Разве такое забывается?

Ну и как живешь, Люся?

– Мать-одиночка я, Зайцев, причем – по твоей милости, – сообщила ему Люсьен. – Сына вот родила. Полгодика ему уже. Вылитый ты. Особенно ушки. Ну и что будем делать? Я замуж хочу за тебя, Зайцев!

– С ума сошла! – испугался Зайцев. – Я же женатый.

– Тогда давай, Зайцев, помоги своему сыну встать на ноги и пойти, заговорить, влиться в коллектив детского сада, получить образование и стать достойным человеком. Чтобы ты мог гордиться своим сыном, Зайцев! Кстати, пригласи-ка жену свою к телефону, хочу и с ней поделиться радостью...

– Не надо ее радовать, я уже еду, с деньгами. Давай адрес...

Повариха их партии Люсьен жила в обшарпанной гостинке. В дешевой коляске посапывал бутуз. Зайцев склонился над ним. Точно, ушки у парня были оттопырены так же, как у него. Но нос напоминал кого-то другого.

– Так ты еще и с Нерсесяном? – обрадованно спросил он.

– Ну, было разок, – зарделась Люсьен.

– А ну-ка звони ему, – решительно сказал Зайцев.

– У меня нет его телефона.

Зайцев полистал свою записную книжку:

– Вот, набирай!

Через полчаса их компанию разделил и Нерсесян.

– Да, нос мой, – согласился он. – Чистая, слушай, работа...

– Да? А ты глянь на его уши, – ревниво сказал Зайцев.

Нерсесян снова склонился над коляской. Малыш в это время завозился во сне, высвободил из-под одеяльца ножку. Чуть ниже пухлого коленочка темнело большое родимое пятно.

– Ага! – в один голос сказали Зайцев и Нерсесян. – Где-то мы уже такое видели! А ну говори, зараза: у тебя шуры-муры были и с Цыбулей?

– Ох, не спрашивайте, мальчики! – мечтательно прикрыла глаза Люсьен. – Только где он, Цыбуля этот? Давно уже затерялся где-то в степях вильной Украины.

В это время открыл свои глазки малыш. Они были ярко-голубые.

– Николая Петровича, самого начальника партии, глаза! – потрясенно сказал о Зайцев. – Ну ты, Люська, даешь!

– Так начальник же, – пожаловалась Люсьен. – Эх, да если бы я знала, где он сейчас, разве вы бы нужны были мне? Слышала я, подался Николай Петрович куда-то на повышение. А куда – не знаю.

Зайцев и Нерсесян переглянулись.

– Ты обещаешь, что оставишь нас в покое, если мы дадим тебе координаты Николая Петровича? – с затаенной надеждой спросил Зайцев.

– Обещаю! – с не меньшей надеждой ответила Люсьен.

Нерсесян торопливо написал номер телефона на клочке бумаги:

– Вот, звони! Но про нас – ни слова, да?

Люсьен набрала номер.

– Приемная заместителя губернатора по промышленности Николая Петровича Гулева-того, – мелодичным голоском сказала на том конце провода секретарша. – Слушаю вас...

– Вот, папашка, ты и попался! – обрадовано прошептала Люсьен, в то же время отчаянно отмахиваясь рукой от двух других отцов сына партии – чтобы шли восояси. – Скажите, я могу записаться на прием к господину заместителя губернатора, по личному вопросу?... Через неделю, в семнадцать ноль-ноль? Хорошо!

– А ты не помнишь, у кого в нашей партии была ямочка на подбородке? – озабоченно спросил Нерсесян у Зайцева при выходе из подъезда гостинки.

– Нет, не помню, – ответил Зайцев. – Да какое это теперь имеет значение? Люсьен теперь хватит одного Николая Петровича.

– Пожалуй, хватит, – согласился Нерсесян. – Ох, не завидую я ему.

– Да уж! Как хорошо, что мы с тобой так и остались рядовым членами партии, простыми геологами...

Крутая разборка

– Муж ты мне или не муж? – спросила Василина Петровна Симкина своего супруга, плюхнув на стол пакеты с покупками. Прямо перед самым его носом, поскольку Николай Львович мирно попивал в это время чаек на кухне, уткнувшись в газету.

– Ну, муж, – недовольно ответил муж, отпихивая пакеты подальше.

– А если муж, иди, наконец, и поговори по-мужски с этим козлом Балябиным.

– А чего мне с ним говорить? – искренне удивился Николай Львович. – Утром виделись, разговаривали уже.

– Да меня его собака постоянно облаивает! – заявила Василина Петровна. – Вот и сейчас иду из магазина, а Балябин выгуливает своего кабыздоха. Я ему сделала замечание, почему он ходит без совка и пакета, чтобы подбирать за своим шелудивым псом его «добро». А они меня облаяли.

– Оба? – снова удивился Николай Львович. – Выходит, крепко ты их обидела, раз даже Балябин залаял.

– Да ничего я такого им не говорила, а просто высказала законное требование о соблюдении гигиены во дворе, – возмущенно сказала Василина Петровна. – А они... А он... И уже не в первый раз. В общем, иди и разберись с ними. Или ты мне не муж?

Николай Петрович вздохнул и отложил газету.

– А что я ему скажу? – неуверенно спросил он, втыкая ноги в шлепанцы.

– Что он ему скажет?! А то и скажи, что у вас, мужиков, принято. Ну, там, типа: «Еще раз гавкнешь на мою жену, зубов не досчитаешься!» И пусть мне больше во дворе со своим поганим барбосом не попадаетеся! Ну, иди уже, иди! Мужик ты или не мужик? Постой. На-ка вот, возьми на всякий случай скалку.

– Да я его голыми руками!.. – пообещал Николай Львович и отправился во двор, на разборки со своим соседом Балябиным и его болонкой. Нашел их, прогуливающих у соседнего подъезда.

– А, привет, Николаша! – обрадовался Балябин, протягивая руку Николаю Львовичу. – А я уж думал, не выйдешь! Ну, что тебе подставлять – скулу, глаз? Или пинком ограничишься? Мне тут твоя сейчас таких наобещала, что мы с Пушком до сих пор дрожим со страху.

– Да брось ты, Виталик! Ну, чего не бывает по-соседски? – примирительно сказал Николай Львович. – Ты только это... Как-то помягче с моей женой, что ли. Все же женщина, как-никак.

– Женщина! Знаешь, как она меня тут понесла? – обидчиво сказал Балябин.

– Не каждый мужик так сумеет! А все из-за чего? Ну, не уследил я, описал Пушок вон тот тополек, всего делов-то! А твоя как понесла нас! Ой, не любит она меня, Петрович. А за что, не пойму.

– А, да ну ее, – поморщился Николай Львович. – У меня вот пара стольников есть...

– И у меня стольник за подкладку завалился, – обрадованно заявил Балябин.

– Ну, так чего же мы стоим? Пошли вон в «Загляни», пропустим на мировую по кружке другой пивка!

Через пару часов соседи возвращались домой в обнимку, громко распевая про «Мой маленький плот», а впереди них весело бежал Пушок, методично описывая каждое попадающееся ему дерево, как будто это не его хозяин, а он выдул три литра пива.

Так и хочется закончить рассказ вот на этой мажорной ноте. Да не тут было. Пока Николай Львович и Балябин пили мировую, хотя они-то как раз и не ссорились, Василина Петровна, выждав с полчаса, заподозрила неладное и поднялась на третий этаж, где жили Балябины. Она позвонила, дверь открыла Наталья Балябина.

– Мой у вас? Пьют уже, козлы? – отрывисто спросила Василина Петровна, стараясь заглянуть за спину Натальи.

– Может быть, твой и козел, а у меня нормальный мужик, – тут же взвилась Наталья, характер которой мало чем уступал нраву непрошеной гостьи. – И у меня тут не распивочная!

– Кто козел? Мой Николай? Да я тебе за него все шары твои бесстыжие выцарапаю! – вскинула перед собой растопыренные пальцы с закорючками длинных острых ногтей Василина Петровна. – Знаю, знаю, как ты ему глазки строишь! Мало тебе своего алкаша, так ты еще на чужих мужей заглядываешься!

– Я заглядываюсь? Да на кой он мне сдался, рохля твой!

– Ах, ты так!

И Василина Петровна вцепилась в волосы Натальи, а та, взвизгнув, впилась ей зубами в плечо. И даже появление мужей не остановило эту жестокую битву. Тут же протрезвев, Николай Львович и Виталий Балябин с огромным трудом растащили своих жен. Хотя и сами при этом понесли потери: Василина Петровна сокрушительным ударом локтя выбила два передних зуба Балябину, а Наталья Балябина маленьким и остреньким кулачком засадила под глаз Николаю Львовичу, в результате чего тот обзавелся нехилым разноцветным фингалом.

И лишь Пушку, из-за которого, собственно, и затеялся весь сыр-бор, было весело в этой нешуточной кутерьме и он, залиvisto лая, хватал зубами по очереди за ноги всех участников соседской потасовки...

Мирились затем первый день у Балябиных, второй – у Симкиных. И собак теперь выводят гулять все вместе. Потому что Симкины тоже обзавелась песиком, только не болонкой, а пикинесом. Как истинная женщина, Василиса Петровна не хочет быть похожей на кого-либо. Даже собакой...

Соседям на зависть



Ах, какое безоблачное небо и жаркое солнце на Кипре! Какое там ласковое море и уютные пляжи! Пожаришься на лежаке и бух – в синие теплые волны Эгейского моря. Снова на лежак, и снова в море. А тут тебе и коктейля принесут, и пива ледяного с чипсами. А кругом разноязычие, как в Вавилоне: французы хохочут, греки тараторят, поляки шипят, немцы солидно шпрехают, русские беззлобно матерятся. Красота!

В первый день мы провели на пляже Армония-бич сразу три часа! Надышались морского воздуха, наглотались соленой воды, еле доползли до номера и упали в постели как убитые. Мы все же сибиряки, и море и солнце в лошадиных дозах поначалу нас просто валили с ног. Проспали до самого ужина. На второй день – то же самое.

На третий уже вроде как акклиматизировались. Носы, щеки, плечи и руки, спины и животы у нас покраснели, волосы стали выгорать.

– Загар пристает! – радостно констатировала Светлана. – Приедем домой черными – соседи обзавидуются!

В номер вернулись к обеду – уже так обморочно не падали в постель. Хотя подремать все равно хотелось. Но мешали какие-то звуки. Мы прислушались и сделали круглые глаза: да это от соседей!

Поскрипывала кровать, слышались томные вздохи и приглушенное бормотание:

– Подожди, Сережа, не спеши!... Вот так, вот так! Ах, как хорошо! Ой, осторожнее, мне же больно! Спасибо, милый! Ты такой нежный! Вот так, вот так!..

Я к жене:

– Тоже хочу!

А она мне:

– Имей совесть! Три дня назад всего как было! И у меня голова болит. Давай завтра, ладно? Или нет, послезавтра!

Ну, послезавтра, так послезавтра. Никуда ведь жена не денется, верно? Подожду!

Проотдыхали и прозогорали еще два дня. Стали уже не красными, а малиновыми. Жена – вылитый поджаренный пончик, такая аппетитная стала!

– Ты обещалась!

А она:

– Почеши мне сначала спинку.

Ну, я к ней. И, топчась коленками на постели, стал нетерпеливо чесать ей спину.

– Подожди, милый, не спеши! – воркует жена. – Чуть ниже... Правее... О, как хорошо! Ой, осторожно, там больно. Спасибо, дорогой, ты такой внимательный. Еще, еще! Не останавливайся, пожалуйста! О, о!..

В общем, через полчаса вышел я покурить на балкон. А там сосед, пляжные шорты сушиться вешает. Подмигивает мне:

– Что, тоже обгорели на солнце? Бывает...

А домой приехали, опять не до шалостей: сидим вечерами, облупливаем друг друга, как пасхальные яички. Но загар привезли с собой такой, что все соседи завидуют!

Первая публикация



Как-то задумался: а какой день в моей жизни был самым счастливым? Когда стал перебирать в памяти, их оказалось не так уж и мало. Первая пятерка, первая самостоятельно выловленная щука, первый поцелуй, первая зарплата, дембельский день... Но все же как самый счастливый – по ощущениям, – мне запомнился день, когда меня впервые напечатали в районной газете.

Я узнал об этом одним из июльских дней. Перед тем, как уехать на полевой стан, где после армии работал электросварщиком, вытащил из почтового ящика районку. На ходу развернул ее, и обомлел, увидев свой рассказ «Карасятник»

Еще до моего ухода в армию учудили мой младший братишка Рашит и отец. Как-то Рашит пришел домой с десятком карасей за пазухой. Батя мой был заядлый рыбак и сразу спросил, где и как он наловил таких красавцев. Рашит сообщил, что это он с Ванькой Рассохой намутил в Кругленькой ямке (озерцо такое пойменное).

Для непосвященных поясню, что значит «намутить». В небольшой водоем – как правило, ложбину в пойме, в которой после весеннего половодья остается рыба, когда Иртыш возвращается в свои берега, – залазят несколько человек, и ну давай вздывать ногами донный ил. Через некоторое время задыхающаяся рыба высовывается из воды, чтобы глотнуть свежего воздуха, людей посмотреть, себя показать.

Вот тут-то не зевай, знай, хватай ее и выкидывай на берег.

– А ну, сынок, пошли! – воодушевленно сказал отец, хватая ведро. – Сейчас мы карасиков-то натаскаем.

– Папка, я устал, и живот чего-то болит, – заныл братишка.

– Пошли-пошли, покажешь, в каком месте мутить надо!

И Рашиту ничего не оставалось делать, как подчиниться.

Они долго прыгали и ползали по Кругленькой ямке, пока вся вода в озере не стала коричневой. На поверхность всплыли парадохлых лягушек да возмущенные жуки-плавунцы, водоросли. Карасей же не было. До отца начало что-то доходить.

– Сынок, – сказал он ласково. – Скажи, где взяли карасей, и тебе ничего не будет.

Рашит выбежал подальше на берег, на всякий случай заревел и признался, что карасей они с Ванькой натрусили из чужого вентеря (вентиля, как говорят мои односельчане) и совсем на другом озере. А правду сказать он забоялся.

– Засранец! – сплюнул ряской отец и захохотал. Так его еще никто не проводил.

Вот эта история и легла в основу моей юморески. Рассказ был здорово подправлен, наполовину сокращен. Но в нем оставались целыми – слово в слово – несколько моих предложений и даже пара абзацев. Значит, могу писать!

Такого чувства восторга, радости я больше никогда не испытывал!

Газету прихватил с собой на полевой стан. Она мне жгла карман, однако никто в бригаде и словом не обмолвился о моей публикации.

«Видно, еще не читали», – решил я. В обеденный перерыв первым ушел из столовки в вагончик, где механизаторы обычно отдыхали: забивали «козла», читали свежую прессу, просто валялись на жестких лавках и полках.

Еще никого не было, я быстренько развернул районку и положил ее на стол так, чтобы материал с моей подписью сразу бросался в глаза. А сам скромненько уселся в сторонке и закурил.

Первым в вагончик зашел тракторист дядя Саша Горн. Я затаил дыхание и стал отстраненно смотреть в маленькое оконце, о треснувшее стекло которого с громким жужжанием бились мухи. Дядя Саша с кряхтением уложил свое грузное туловище за столом, подтянул к себе газету и... шмякнул – прямо на мой рассказ! – жирного подвяленного леща.

– Подвигайся ближе, – доброжелательно сказал дядя Саша. – Посолонцуемся...

А с коротких толстых пальцев его, которыми он плотоядно раздирал рыбину, на газету стекал янтарный жир, под которым расплывалась моя подпись.

Обида спазмом сжала мне горло.

– Спасибо, не хочу! – обиженно буркнул я и выкатился из вагончика.

Но – в сентябре того же 1972 года я получил официальное приглашение на штатную работу в «Ленинском знамени» и навсегда связал свою жизнь с журналистикой. А далее уже приобщился и к литературе...

Оладушки



В 80-е годы я работал заведующим сельхозотделом экибастузской районной газеты «Вперед». Жил в городе, в командировки выезжал в совхозы, возвращался обратно и несколько дней «отписывался» – то есть трансформировал все свои беглые, неразборчивые записи из корреспондентского блокнота (тогда у нас еще не было диктофонов) в заметки, корреспонденции, репортажи, очерки. А потом – снова в командировку!

Ну, нормальная такая работа, скучать было некогда. Новые места, новые люди, новые встречи... Запомнилась одна из них. Я с фотокором Николаем Мякинским на редакционном узике отправился на отгонное овцеводческое пастбище – джайляу. Редактор послал нас за очерком о семье знатных чабанов, награжденных не то орденами, не то медалями за высокую сохранность поголовья.

Главу семьи звали Иван, а фамилия у него была Абдула. Именно Абдула – с одним «л». Оказывается, он был молдаванином, и такие фамилии у них не редкость. А супружница у него была русская, с заурядным славянским именем Глафира Порфирьевна. Я правильно называл их имена первые десять минут беседы. Но когда этот самый Иван Абдула, обрадованный возможностью легально выпить – ну как же, такие гости! – притащил откуда-то из закромов, с высочайшего соизволения жены, сначала одну бутылку водки, потом другую, тут и началось.

После третьей стопки я то и дело величал чабаншу уже не Глафирой Порфирьевной, а Порфирой Глафириной. И хотя фотокор делал мне время от времени страшные глаза, досталось от меня и мужу знатной чабанши, его я попеременно называл то Иваном, то Абдулой. Может, кто-то другой взял бы да и выгнал таких бесцеремонных гостей.

Но хозяева терпеливо сносили все эти, в общем-то, непреднамеренные издевательства над их уважаемыми именами. Потому что сами обращались ко мне то Марат Валеич, то Валея Маратыч. Ну да я не об этом. Когда разваристый, безумно аппетитный бешбармак нами был слопан без остатка и пришла пора попить чайку, обслуживающая наш дастархан молчаливая дочка чабанов лет двадцати пяти-тридцати, принесла к ароматному индийскому чаю со сливками гору золотистого цвета пышек или пончиков. И только тогда я понял природу аромата, все это время откуда-то доносившегося до нас (мы сидели на открытом воздухе, под навесом).

Они были еще горячие, тонко похрустывающие на зубах и необыкновенно нежные и вкусные! И буквально таяли во рту. Несмотря на то, что мы был уже и сыты и полупьяны, это кулинарное совершенство так покорило и захватило нас, что мы мгновенно опустошили это большое блюдо. А тут молчаливая чабанская дочь притаранила еще одно такое же. Мы и его умяли. И только тогда я, отдуваясь, спросил:

- А что это такое было? Ничего подобного я еще не едал!
- Оладушки, – пожав плечами ответил Абдула, который Иван.
- А рецепт? Как они такие пышные и нежные получаются?
- Это надо у дочки поспрашивать.

Но дочка уже скрылась в летнем домике чабанов и до нашего отъезда больше не появлялась. Так я тогда и не узнал рецепта чудо-оладушек, которыми нас потчевали на отдаленном джайляу в экибастузской степи. И даже когда уже появился интернет и в нем можно найти миллион всяких рецептов, таких оладий, почти круглых и воздушных, я нигде не нашел.

А вы, друзья мои, случайно, не знаете, из чего и как могут получиться такие чудо-оладушки, необыкновенный вид и вкус которых я помню по сей день?..

Общежитие для скворцов

Весенним солнечным деньком Стасик Мурашкин, придя после школы домой, тут же подступил к отцу.

– Пап, – сказал Мурашкину-старшему его отпрыск. – А трудовик дал нам домашнее задание – сделать скворечник.

– Почему скворечник-то? – спросил Федор Павлович, не отрываясь от газеты. – Почему не табуретку? Или разделочную доску.

– Пап, ты что ли не видишь? – удивился Стасик. – Весна же. Скворцы скоро прилетят, а им жить негде. Скворечник надо смастерить. Трудовик потом, когда оценку поставит, мой скворечник мне же и отдаст, чтобы я его пристроил у себя в ограде. Поможешь? А я тебе за это пятерку принесу.

– Делать им нечего, скворцам этим, – проворчал Федор Павлович. – Вот и шастают туда-сюда. Ну, ладно, а пятерку-то ты мне по какому принесешь?

– Да по-любому! – задорно шмыгнул носом Стасик. – У деда вон займу, он как раз пенсию на баксы поменял.

– Так он тебе и даст, – усомнился Мурашкин-старший. – Дед наш, как прибавили ему пенсию, так сказал, что только жить начинает, и копит теперь на турпоездку в Таиланд. Откуда твои скворцы прилетают. Нет, брат, ты мне все же лучше пятерку по какому-нибудь предмету принеси.

– Построим нормальный скворечник, и будет тебе пятерка по труду, – пообещал Стасик.

– Но учти, я ведь не плотник и не столяр там какой-нибудь, а всего лишь бухгалтер, – предупредил Федор Павлович, откладывая газету. – Кроме ручки и калькулятора, другого инструмента в руках и не держал.

– Да знаю, – приуныл Стасик. – Хотел маму попросить. Но ей некогда, она теплицу ремонтирует.

– Ладно, пошли во двор, – вздохнул Федор Павлович. – Я пока материал подыщу, а ты спроси у мамки молоток, эту, как ее, ножовку и гвозди.

Когда Стасик вернулся, отец его уже сидел под яблоней и вертел в руках старый посылочный ящик.

– Смотри, сына, уже почти готовый скворечник, – обрадованно сказал он наследнику. – Надо только выпилить в одной стенке дырку. Чтобы скворец мог попасть к себе домой.

– Так он же из фанеры! – обескураженно сказал Стасик. – А трудовик дал задание сделать скворечник из досок.

– А ты ему скажешь, что сейчас время такое, надо на всем экономить! – внушительно объявил Федор Павлович. – Ну давай, пили дырку!

– Да почему я-то? – возмутился Стасик. – Мы же честно с тобой договорились: ты помогаешь мне, а я тебе несу пятерку. Или что дадут.

– Я тебе материал нашел? Нашел! – тоже встал в позу Мурашкин-старший. – Так что пили давай.

Стасик, обиженно пыхтя, заселозил ножовкой по скользкой фанере.

– Нет, так у тебя ничего не выйдет, – с сожалением сказал ревниво наблюдавший за потугами сына Мурашкин. – Тут нужно стамеской работать. Ну-ка неси стамеску!

Теперь за дело взялся сам Федор Павлович. Он ударил по стамеске молотком два или три раза, и в стенке фанерного ящика образовалась безобразно большая и неровная дыра.

– Сюда не то, что скворец, а и самый-самый бездомный воробей не захочет поселиться, – разочарованно сказал Стасик.

– Да? – удивился его отец и сконфуженно почесал стамеской лысеющий затылок. – Слушай, может, его где купить можно, этот чертов скворечник?

– Если бы, – вздохнул Стасик. – Трудовик сказал: сделать своими руками! Пап, а может, все же маму попросим помочь нам, а?

– Нет, не женское это дело, – категорично заявил Мурашкин-старший. – Мы это сделаем сами. Вот только из чего?

И тут его взгляд остановился на собачьей будке, в которой жил и довольно условно охранял их покой маленький беспородный пес Тузик. Будка тоже была небольшой, может, чуть больше только что безнадежно испорченного посылочного ящика.

– Так, крыша есть, вход тоже оборудован, – бормотал Мурашкин, оценивающе рассматривая будку. – Вот, сына, покрась будочку, грузи ее на тачку и вези своему трудовику. У тебя будет самый большой птичник. Штук на десять скворцов. Так что пятерка тебе обеспечена.

– А как же Тузик? – обеспокоенно спросил Стасик

– До осени в бане поживет, а на зиму опять займет свой скворечник... то есть, свою будку, – успокоил его Федор Павлович. – Ну же, сына, берись за дело! А я пойду, вздремну. Устал очень. Шутка ли – целое скворчиное общежитие построили!

И Мурашкин-старший побрел к дому походкой человека, только что осуществившего очень сложное, почти невозможное задание...

Морской попугай Яков



– Купи попугая, мужик! – дернул Сапрыкина за рукав на птичьем рынке пропойного вида мужичок. Перед ним в самодельной решетчатой клетке сидела на жердочке крупная нахохлившаяся птица с ярким, но потрепанным оперением. Попугай угрюмо дремал, смежив кожистые веки, а под одним его глазом отчетливо просматривался синяк – вот такой был большой попугай. А еще огромный крючковатый клюв его был заклеен скотчем.

Сапрыкину не нужно было никакой птицы – он на рынок приходил за червями для воскресной рыбалки. Но эта странная пара его заинтересовала.

– Хм! – сказал Сапрыкин. – А почему вы ему рот... то есть, клюв залепили.

– Да болтает чего попало, – честно сказал пропойца.

– А фингал у него откуда?

– Да все оттуда же!

– Хм! – снова сказал Сапрыкин. – Птица довольно редкая. Откуда она у вас?

– От покойного братана осталась, – сообщил владелец попугая, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу. От него даже на расстоянии разило перегаром. – Братан боцманом был, в загранку ходил. Этот всегда при нем был. Да вот братец-то недавно крикнул... То есть, концы отдал. А сироту этого передали мне. Якорем его кличут. Я зову его Яковом. Ничего, отзывается.

Услышав свое имя, Якорь открыл целый глаз, с ненавистью посмотрел сначала на пропойцу, потом на Сапрыкина, как будто хотел что-то сказать. Но лишь закашлялся и снова прикрыл глаз припухшим веком с синеватым отливом.

– Ну и пусть бы жил с вами, – пожалел птицу Сапрыкин.

– Не, мне он не нужен, – ожесточенно сказал пропойца и сплюнул себе под ноги. – Жрет много. И болтает чего попало, якорь ему в глотку.

– И сколько же вы за него хотите? – спросил Сапрыкин, все больше проникаясь к попугаю сочувствием. Да и вообще, птица ему понравилась, и он уже решил для себя, что без нее с рынка не уйдет. Рыбалку можно отложить и до следующего выходного. А вот попугая может купить кто-нибудь другой.

– Да за пару тыщ отдам, – чуть подумав, сказал попугаевладелец.

«Почти даром!» – обрадовался Сапрыкин. А вслух с сомнением сказал:

– Дороговато что-то! Может, он у тебя и не разговаривает вовсе?

– Яшка-то? – обиделся мужичок. – Еще как балаболит! Причем, все на лету схватывает.

– А как бы его послушать? – озабоченно спросил Сапрыкин.

Пропойца вздохнул с сожалением:

– Ну, ты сам этого хотел.

Он вынул попугая из клетки, прижал его одной рукой к груди, а другой осторожно отлепил уголок скотча с клюва.

– Петька, ты к-козел, трах-та-ра-рах! – хрипло завопил попугай. – Где папайя? Где мар-р-р-акуйя? Жр-р-рать давай, алкаш-ш-ш, трах-та-ра-рах!

Находящиеся неподалеку торговцы и покупатели рынка ошарашенно закрутили головами, оглядываясь в поисках источника этого безобразия.

– Папайя, маракуйя! А больше ни хрена не хочешь, якорь тебе в твою куриную гузку?! – затрясся от злости Петька, заученным жестом залепил попугаю клюв и сунул его обратно в клетку. Якорь-Яков возмущенно закашлялся и попытался сдернуть крючковатым когтем скотч – он явно не выговорился, – и тут же получил щелбана от хозяина.

– Тут с утра ни в одном глазу, а ему маракуйю подавай! Да ее в глаза-то никогда не видел, из всех фруктов только соленый огурец и знаю. А ему, вишь ты, огурцы не нравятся. Привык там по заграницам бананы с ананасами лопать! Ну что, мужик, берешь птицу, нет?

Сапрыкину все больше не нравилось малогуманное обращение алкаша с диковинной и, по всему, редкой птицей, и он решил спасти ее от дальнейших мучений и возможной голодной смерти.

– На! – сказал он, протягивая пропойце две смятые тысячные купюры. – А попугая давай сюда.

– Да заberi ты его! – безо всякого сожаления толкнул к нему ногой клетку мужичок и, радостно хрюкнув, припустил к ближайшему павильону.

Самодельная клетка была очень тяжелой и неудобной для переноски – и как только этот тщедушный алкаш припер ее на базар? Сапрыкин решил не мучиться и, привязав Яшку за одну ногу завалившимся в кармане куском рыболовной лески – на случай, если тому вдруг вздумается улететь, – вытащил его из клетки и понес к троллейбусной остановке на руках. Яшка же отчаянно завозился, зацарапался и, вырвавшись из рук, вскарабкался Сапрыкину на плечо и там успокоился, победно озирая окрестности.

«А-а, видно, покойный боцман так и ходил со своим любимцем по палубе! – догадался Сапрыкин. – Ну, чистое кино». Попугая на плече он оставил, но заходить в троллейбус с ним не рискнул – мало ли какой народ там будет, – да и ехать до дома надо было всего-то пару остановок. Сопровождаемые любопытствующими взглядами прохожих и несколькими пацанами, пытающимися на ходу погладить Яшку, Сапрыкин через пятнадцать минут был дома.

– Господи, это кто? – изумленно спросила жена Сапрыкина Катерина.

– Яковом его зовут! – с гордостью сказал Сапрыкин, пересаживая птицу с плеча на край холодильника. – Очень редкий морской попугай... Купил вот по случаю. Будет жить с нами. Разговорчивы-ы-ый! – всех подружек тебе заменит. Ну, поздоровайся с моей женушкой, Якорёшка-дурёшка!

Яшка помотал залепленным клювом.

– А, ну да! – вспомнил Сапрыкин и осторожно содрал скотч.

– Полундр-р-ра! – хрипло закричал Якорь. – Трах-та-ра-рах! Сам дур-р-ак! Где папайя, где мар-р-акуйя, мать твою!!!

– Божечко ты мой! Похабник-то такой! – всплеснула руками Катерина. – Неси его, откуда взял.

– Это он просто голодный, – слабо засопровтивлялся Сапрыкин, которому, если честно, хамство попугая тоже мало понравилось. – Сейчас мы его покормим, и он успокоится.

– А чего ты ему дашь? У нас нет ни папайи ни, прости, господи, этой, как ее, маракуйи! – запричитала Катерина. – Раз он морской, дай ему вон селедки!

– Да он морской постольку, поскольку жил с каким-то там боцманом, – объяснил Сапрыкин, роясь в холодильнике. Попугай, склонив хохластую голову набок, заинтересованно следил за ним. – Во, банан нашел! Будешь, банан, Яков?

Попугай взял уже привядший банан крючковой лапой, клювом умело снял с него шкурку и стал жадно отрывать и глотать сладкую банановую плоть.

– Кайф-ф-ф! – наконец громогласно сообщил он и сытно рыгнул. – Молодец, салага! Тепер-рь бы бабу бы! Ну, иди ж-же ко мне, крош-ш-ка!

И устался загоровшимся взглядом на жену Сапрыкина, а перьевой хохолок на его голове встал дыбом.

– Так он еще и бабник? – ахнула Катерина и покрылась легким румянцем – то ли от возмущения, то ли от смущения.

– Да ну, болтает чего попало! – криво усмехнулся Сапрыкин, хоть тут же почувствовал острое желание поставить этому мерзавцу в перьях еще один фингал. Где-то там, в глубине его душе заворочался скользкий червь сомнения: что-то с этой птицей неладное. Мало того, что попугай оказался наглым матершинником, его болтовня к тому же еще выглядела вполне разумной, логичной. Но этого никак не должно быть – какие там у птицы могут быть мозги, кроме глупых птичьих? Однако Сапрыкин на всякий случай решил проверить Якова.

– Слышь, ты, урод – еще чего-нибудь ляпнешь непотребное, я тебе второй глаз подобью! – провокационно пригрозил он попугаю. Но тот и ухом, или чем там у него, не повел – как будто и не слышал вовсе своего новоявленного хозяина. «Ну, как я и думал – дурак дураком, – успокоился Сапрыкин. – Но какой все же гад, а?»

Яшка между тем задремал, по-прежнему сидя на краю холодильника. Сапрыкины выключили свет и на цыпочках ушли с кухни.

– Ну и что ты будешь с ним делать? – растерянно спросила Катерина. – Во-первых, никакой кормежки на него не напасешься – вон он чего требует. Во-вторых – он же такой охальник, что от людей просто стыдно будет. Уж и не пригласишь теперь никого, обматерит всех! А дети вот-вот вернутся из деревни – им-то какой пример будет?

– Да прокормить-то не беда, – почесал в затылке Сапрыкин. – Я бы его и к картошке приучил. Но то, что он отморозок – это ты в точку угодила. Такого уже не перевоспитаешь. Да, хоть и жалко, но придется его оставить в деревне у тещи. Завтра же поеду за Колькой с Танькой и отвезу Яшку.

– Да маме-то он на фиг сдался! – запротестовала Катерина. – Выпусти вон его в окно, пусть себе летит на юга, за своими папайями и, как их там, маракуйями, прости господи.

– Теща, я думаю, найдет с ним общий язык, – язвительно сказал Сапрыкин (он имел в виду, что мама его жены, Серафима Григорьевна, в случае необходимости могла завернуть непечатный аргумент такой впечатляющей силы, что у ее оппонентов тут же пропадала охота вести с ней дальнейшую дискуссию). – Да и поболтать ей будет с кем зимними вечерами.

... Глубокой ночью Сапрыкин проснулся от душераздирающего визга спящей рядом жены и еще чьего-то хриплого вопля. С бьющимся сердцем он включил ночник. На груди у Катерины сидел Яков. Одной лапой вцепившись ей в ночнушку, другой он теребил ее за волосы и хрипло кричал:

– Полундр-р-ра! Где бабки, ш-ш-шалава? Полундр-р-ра!

Сапрыкин ударом подушки сбил попугая на пол и тут же накинул на него одеяло.

– Убью-ю, х-хгады! – приглушенно вопил Яков, пытаясь выпростаться на волю. Вдвоем они еле скрутили озверевшего невесть от чего попугая, заклеили ему клюв и затолкали до утра в плательный шкаф.

Катерина вся тряслась. Она яростно накинулась на Сапрыкина с кулаками:

– Ты кого привел в дом, скотина?

– Не привел, а принес! – вяло отбивался и сам не на шутку перепугавшийся Сапрыкин. – Ну, все, все, успокойся! Уже светает, через пару часов я выведу, и ты больше этого уroda не увидишь.

...Теща птицу благосклонно приняла, приняв ее, видимо, за индюка. Чтобы не вызывать у детей вполне законного интереса к диковинному попугаю, он им просто не показал его, а попросил Серафиму Григорьевну, пока они будут собираться домой, закрыть Яшку в птичнике.

Позвонив теще через неделю, Сапрыкин между делом спросил:

– Ну, как вы там с Яковым уживаетесь?

– А чего мне с ним уживаться? – Сапрыкин даже на расстоянии удивил, как Серафима Григорьевна пожала полными веснушчатými плечами. – Я его из птичника вытащить не могу...

– А что он там делает? – удивленно спросил Сапрыкин.

– Что, что... – хихикнула теща. – У меня как раз перед твоим приездом хорек петуха задавил. Вот твой Яшка у меня теперь вместо него. Такой, слышь ты, знатный топтун – куры у меня аж по два яйца сносят разом!

– Да не может того быть! – потрясенно пролепетал Сапрыкин. – Это же против всяких биологических законов. Он же попугай!

– Сам ты попугай! – рассердилась теща. – Говорят тебе: топчет моих курей, значит, топчет. Да еще орет при этом дурным голосом! Подожди, как же он кричит, язви его... А, вот: «Полундр-ра-ра!» – орет. Так что спасибо тебе, зятек, за ценную птицу!

– Да не за что, – сказал Сапрыкин. И аккуратно положил трубку.

«Заберите меня, а?»



- Полицию вызывали?
- Да, вызывали, вызывали! Сколько вас можно ждать?
- Так пробки же! Ну, и что у вас тут случилось?
- Заберите вот этого изверга, этого уголовника!
- Это кого?
- Ну вот его же, мужа моего!
- Извините, гражданочка, но я что-то не вижу повода, видимых причин, чтобы забрать этого гражданина. У вас дома тихо, идеальный, порядок, следов дебоша нет. А муж ваш сидит себе, чай пьет.
- Тьфу! Это я не саяй пью, это я рот полосую. Нет уз, заберите меня. Где васи эти, как их, оковы? Заковывайте и забирайте меня!
- Не оковы, а наручники. За что вас забирать-то?
- Так он вам и скажет, зверь! Это я знаю, за что его надо забрать. А ты, животное, не радуйся, мне решать, забирать тебя или нет.
- Все, у меня кончается терпение! Говорите четко, гражданка, за что мне забирать вашего мужа?
- Он руку на меня поднял!
- Где, покажите?
- Что показать?
- Ну, следы подъема его руки на вас?
- Так вы будет меня забирать, товарищ лейтенант, или нет? Я вон узе и узелок собрал. Пойдемте, где вася арестантская масина?
- А ну сидеть! Не слушайте его, товарищ полицейонер! Ишь, обрадовался!
- Так, гражданин, может, вы мне объясните, что у вас тут произошло?
- Да стё – присёл я с работы, а она постелила на пол новый ковер...
- Ну и что?
- А я несяянно наступил... туфлём... Совсем на краесек.
- Так, дальше?
- А стё дальше? Она как даст мне с правой, у меня два зуба и вылетели. Она хотела иссе и с левой приложиться. Да я вовремя руку поднял, закрылся. Заберите меня, а? У меня зубов не так узь немного осталось...

– А, вон оно что! С удовольствием! Берите, ребята этого хулигана. Пусть хоть у нас суток пятнадцать отдохнет...

Интервью

– Мальчик, это правду про тебя говорят, что ты нашел кошелек с тысячью долларов и вернул их хозяину?

– Да, так и было!

– Можно, я у тебя возьму интервью? И сфотографирую?

– Можно! Как мне лучше встать? Давайте в профиль сфоткайте, может, хотя бы мой профиль Юльке из шестого «б» понравится. Да, а вы из какой газеты?

– «Городская хроника».

– Жаль, Юлька, кажется, эту газету не читает. А вы в Интернет не выкладываете свои номера?

– Выкладываем, мальчик, выкладываем. А ты давай выкладывай, что это за номер ты сам-то отколол?

– В смысле?

– Ну, тебе что, та тысяча долларов самому бы не пригодилась? Потратил бы их на себя, никто бы ничего не узнал.

– Не, я не так воспитан. Поэтому, как только увидел, что в кошельке, кроме налички, есть еще и визитная карточка хозяина, сразу же решил вернуть ему его потерю.

– Молодец! А кто хозяин-то кошелька? Кому так крупно повезло?

– Барбарисов Олег Борисович?

– Как? Сам Барбарисов? Ну и чудак ты, мальчик, прости, господи! Да у этого Барбарисова денег – как грязи! И ты взял и вернул ему эту несчастную тысячу долларов?

– Да, вернул! И еще бы раз вернул! И если десять бы раз нашел кошелек, десять раз бы вернул его!

– Какой бескорыстный мальчик! Ну, давай, называй свою фамилию, и заметка о тебе пойдет в завтрашний номер.

– Пишите: Борис Барбарисов. А можно, вы меня еще на скейте сфотографируете? В полете? Пусть Юлька увидит!

– Постой, постой. А кем тебе приходится Олег Борисович?

– Да дедушка же!

– Вот оно что! Ну, тогда все понятно! Я бы тоже отдал дедушке кошелек. За бесплатно. Ну, давай вставай на скейт, герой!

– Ну, почему за бесплатно? Дед мне отвалил две тысячи долларов!

– Ух ты! А за что?

– А в кошельке были еще фотографии!

– Что за фотографии?

– Не скажу! Но если бы их увидела бабушка, она бы тут же сделала себя вдовой! Ну, давайте, фотографируйте меня! А я потом Юльке ссылку на ваш сайт вышлю. Пусть, увидит, кому она, дура, отказывает!

– Что, что?

– Да не дает она мне контрольные списывать!

Перо



Когда наша математичка Татьяна Николаевна, в плотно обтягивающей все ее выпуклые места водолазке и короткой юбочке, ходила по классу между рядами парт, негромко постукивая каблучками, и склоняясь то над одной, то над другой тетрадкой, пацаны провожали ее восхищенными взглядами.

Ну, по сколько нам тогда было? По двенадцать-тринадцать лет всего. Но толк в женской красоте мы уже знали. Да и что там знать, когда вот она, ходит перед тобой, обворожительно пахнущая духами, волнующе покачивая крутыми бедрами и рвущимися из-под тонкой водолазки упругими грудями с четко выпираемыми сосцами? Такую красоту мужское естество осознает уже на животном, подсознательном уровне даже с таких с малых лет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.